Мессерер Борис

22.10.94.

Моск. комсомолец. – 1994. – 22 окт. – с. 2.

ТЕАТР БОГЕМЫ И ВОЛЬНОЙ МЫСЛИ

На чердаке у Мессерера

Есть ли в Москве место более уютное, чем чердак у Бориса Мессерера? В его мастерской можно отыскать игровые площадки и для пиров, и для вдохновения, и для представлений самых дерзновенных. Человек со стороны удивится множеству старых вещей — прижились здесь тяжеленные утюги, тусклые, причудливой формы самовары, четыре граммофона с разноцветными глотками, литые станки от зингеровских машинок и сами машинки, шарманка и усталые разностильные кресла несегодняшнего ширпотреба... Но поднимешь глаза к полотнам Бориса Асафовича и ахнешь: те же креслица преобразились в живописный образ, и уже не кресло, а некий трон, на котором в окружении огненного сияния сидит, нет, легко возносится в свою метафорическую высь Белла Ахмадулина, жена художника.

Сюда, на Поварскую, к Борису и Белле, слетаются, съезжаются, а иногда прибредают талантливые люди со всех концов света. Здесь гостевали Антониони, Тонино Гуэрра, Юрий Любимов, Владимир Высоцкий с Мариной Влади, Театр на Таганке почти всей труппой. Гений Сергея Параджанова нашел разгадку притягательности этого чердачного Парнаса. В 1983 году он так по-восточному цветисто начертал: "Мессерер дарит нам удивительный мир предчувствий и ритмов. Какое счастье, что есть Мессерер. Сохраните афиши — не дайте их заклеить последующими!!! Борис, Ваш — твой ум в основе удивителен. Живопись — чудо! И Чудо — твоя живопись. Дом твой, ты, Белла, твои друзья в наше жалкое время. Твое искусство светит из безразличия времени".

На огромной фотографии молодые лица поэтов, писателей, эссеистов, художников. Их было много, когда они задумывали "Метрополь".

Василий АКСЕНОВ:

Вдохновенно и любовно Борис соорудил в 70-е годы декорации своей жизни. Чердак совмещал в себе идеи мастерской, жилья и непрекращающегося театра. Значение его в жизни артистической Москвы можно сравнивать со значением "Бродячей собаки" в жизни предкатастрофного Петербурга. Здесь, на уступах мессероровских декораций, возникла идея свободного альманаха "Метрополь". Недаром нашей эмблемой стали раструбы старинных граммофонов, неотъемлемый элемент чердачного дизайна.

Пойти к "Боре и Белле" означало для многих участие в театре богемы и вольной мысли. Подобно ведущим "бубновалетовцам" Машкову и Лентулову Борис Мессерер на своем чердаке был и является катализатором творческой энергии. Сколько метафор возникло во время бесчисленных сборищ и сколько, Бог даст, еще возникнет.

Борис Мессерер — сын прославленного танцовщика Большого театра, всемирно известного педагога Асафа Мессерера. Казалось бы, естественно продолжить традицию и уйти с головой в балет. А он стал художником...

— Меня раздражает, когда начинают говорить о моих родственных связях. Большинство журналистов, беседуя с людьми искусства, уходят в сторону светско-исторической хроники. Уже несколько авторов статей обо мне соблюли этот светско-биографический тон. А я старался с детства найти свой путь и не следовал так называемой семейной традиции. В публикациях проскальзывает несколько идеализированное представление об этих традициях, когда все дружно занимаются чем-то одним. Между членами нашего артистического клана существовали достаточно острые отношения, и представить это каким-то идиллическим состоянием было бы неправильно. Каждый человек хочет найти себя в искусстве. Я пошел своим путем.

— И, кажется, не таким уж прямым. Вы заканчивали архитектурный?

— По образованию я архитектор.

— Удалось что-то построить?

— Не удалось, потому что время было мучительное для архитектуры. Я заканчивал институт в 53-м. После смерти Сталина началась эпоха Хрущева. Он довольно справедливо ломал архитектурное мышление тех лет. Но строительная практика в то время была очень примитивна и не давала возможности архитектору выразить себя в своем творчестве.

— И чему же вы посвятили свой диплом?

— Это был крытый стадион на 15 тысяч мест, решенный в новых традициях, но черты безвременья сказались и на моем проекте. Правда, я пытался внести в замысел какие-то декоративные элементы — они были мне всегда близки, но общий стиль проекта нес в себе черты ломки и той эклектики, которые тогда существовали.

Логика становления художника толкнула меня прочь от архитектуры, хотя учился я у интересного мастера Бориса Сергеевича Мезенцева, который пол-Москвы застроил. Он был замечательный человек и строил уже в новой традиции.

Большой соблазн

— Я еще до института увлекался живописью. Считаю себя учеником художника Артура Владимировича Фонвизина.

— Вас коснулось романтическое увлечение натурой?

— У меня и на выставке в Академии художеств были грузинские, прибалтийские и петербургские пейзажи. Вообще я считаю: путь художника во многом идет через импрессионистическое видение. Это наиболее разумная школа, каждый из нас отдал дань в юношестве импрессионизму.

— А потом победил театр?

— Театр, его таинство — большой соблазн, манок. Трудно победить его притягательность. Вся моя жизнь — попытка соединить живопись и графику с искусством театра. В свое время театр давал возможность заработать что-то. Сейчас такой возможности нет. А тогда многие замечательные художники, начавшие свой путь в искусстве в 20-е годы, позднее уходили в театр, чтобы выжить, спастись от тяжелейшего идеологического сталинского прессинга. И Александр Тышлер, и Татлин, и Павел Кузнецов находили в театре прибежище.

— Любой театр, а Большой тем более, — это целое государство в государстве. Какие штормы там разгорались на нашей памяти! Хотя бы в 70-е годы или сейчас...

— Конечно, всех задевают эти внутренние распри, но я стараюсь отстраняться от этих бурь...

Мать Бориса Мессерера Анель Алексеевна Судакевич была актрисой немого кино, снималась в фильмах "Потомок Чингисхана", "Победа женщины", "Трубная площадь"... На фотокарточке — солист Большого балета Асаф Мессерер и его невеста Анель с Маяковским. Солнечно улыбаясь, смотрит юная красавица на усталое лицо поэта. На вечере в Хосте, когда публика просила у Маяковского автограф, он одаривал своих поклонников фотографиями Анели. Расставаясь с симпатичной влюбленной парой, поэт подарил Анели книжечку, прекрасно оформленную художником Лисицким. Эти иллюстрации — один из шедевров супрематического искусства. Позднее Анель Алексеевна работала в театре художником по костюмам. И, безусловно, облучение театром сказалось на сыне.

— Большой театр был в эвакуации в Куйбышеве во время войны. Жили все очень тесно — кто где: в классах, коммуналках. В нашей многонаселенной квартире жил и главный художник Большого театра Петр Дмитриевич Вильямс. Я видел, как он работал. Наверное, это наблюдение ложилось на мои детские ощущения и потом сказалось.

— К тому времени Асаф Михайлович и Анель Алексеевна расстались?

— Да, они жили порознь... Отец тогда руководил балетом Большого театра.

Яблоко от яблони недалеко падает. Первый раз Борис Мессерер был женат на балерине Нине Чистовой. Сыну Саше шел 10-й год, когда супруги расстались. Сын вырос фактически без него. Стал тоже художником. У Бориса Асафовича две внучки. Генеалогическое древо Мессереров густо ветвится, если учесть: у Асафа Михайловича было семь братьев и сестер.

— Борис Асафович, не раз слышала, что вы король богемы?

— Это все околесица, выдумка журналистов.

Порылась и нашла эту "околесицу". Приведу высказывания Андрея БИТОВА:

"Допивали мы, любя и хваля друг друга. На похвалу мы не скупились, как и на вино. Допивали мы то и другое до конца (медные трубы). Славу мы не делили, потому что сами ее выдавали. У Мессерера была слава "короля богемы".

В обществе несравненной Беллы

— Борис Асафович, однажды вы сделали экстравагантный, с точки зрения обывателя, выбор — женились на литературной звезде Белле Ахмадулиной, столь же загадочной, сколь и непредсказуемой. Женщина-поэт — она как дитя. И, не зная вас, можно было предположить, что вы взвалили на себя изрядную ношу — вести поэтессу по суровому миру, заботиться о ней, оберегать ее.

— Может быть, это так и есть, не знаю. Ваше право выдумывать. Но, признаюсь, в этом что-то есть.

— Расскажите хоть чуть-чуть, как начинался ваш роман?

— Нет, я не способен рассказать. Все это не мои категории — я так не мыслю. Все эти представления страшно неточные. Я был увлечен Беллой как красивой женщиной. Не надо только это соединять с образом поэта. Просто я встретился с ней как с замечательной женщиной, имеющей свой неповторимый образ.

— Простите, кто вас кормит?

— Как кто? Я сам. Я достаточно зарабатываю, конечно, не театром.

— А я не про деньги... Кто суп варит?

— Да, наш быт не из простых. Быт труден. Но как-то живем, конечно, нестандартно.

— И поголодать приходится?

Борис Асафович смеется и отшучивается:

— Мне нравятся ваши наивные вопросы. Не голодать, но вести хозяйство безалаберно — это приходится.

— Когда мы готовили публикацию стихотворений Ахмадулиной в "МК", я побывала у вас на антресолях — Белла предложила мне кофе. И очень долго не могла найти одну свою книгу и призналась: "Боря от меня все прячет — я могу все раздать и не вспомню — кому".

— С этим приходится бороться, — совсем развеселился Мессерер.

— Белла сохранила в своих привычках ребячество?

— Более чем. Наши музы не враждуют — бывает, враждуют характеры. Мы разными способами служим чистому искусству. Вкусовых споров у нас не бывает.

— Когда Беллу пригласили в Америку, вы тоже поехали?

— Поехали вместе. Первый раз в 76-м году. Мы сначала выехали в Париж по приглашению Марины Влади и Владимира Высоцкого. Это они пробили, выбили возможность нашей поездки. Пока мы три месяца находились в Париже, пришло приглашение из университета Лос-Анджелеса: Беллу приглашали поработать и одновременно ей вручались регалии почетного профессора Академии искусства и письменности. Это длинная история. Наше посольство в Париже ответило: получите разрешение на поездку только в Москве. Сначала, мол, вернитесь, а потом посмотрим. Это было совершенно нереально, несоразмерно с

теми сроками, которые предусматривались американской академией. Устав подчиняться повелениям чиновников, мы без разрешения уехали в Америку. Конечно, был скандал, но и в Париже, и в Америке мы сказали нашим дипломатам, что не собираемся оставаться за рубежом — просто приехали поработать по контракту. Потом в консульстве мы просили продлить наше пребывание в Америке — на удивление, разрешение было выдано, хотя и с большой неохотой. Белла читала лекции для студентов-филологов, изучающих русский язык. Потом мы летали в Вашингтон, чтобы получить почетный диплом. В свое время членами этой академии были и Борис Леонидович Пастернак, и Дмитрий Дмитриевич Шостакович. В наши дни — Александр Исаевич Солженицын и Андрей Вознесенский. У нас с Беллой было много интереснейших встреч, мы общались с Джоном Апдайком, с Куртом Воннегутом, с Гаррисом Солсбери.

Иосиф БРОДСКИЙ:

Когда я думаю о Боре,
о Боре, о его напоре —
когда я вспоминаю в США
о милом Боре Мессерере,
волнуется моя душа,
как у того, кто жил греша
при первых звуках MISERERE*.

* Религиозные гимны.

19 мая 1977 г., Нью-Йорк.

Мессереры чутки к иностранным языкам. Дед Бориса, по профессии зубной врач, знал восемь языков, английский выучил в 70 лет. Борис Асафович говорит по-английски. Белла тоже может поддержать беседу с англичанином или американцем.

— Хороших знаний языка у меня нет, но разговаривать можно. В Америке нас всегда очень хорошо принимали.

— Наверное, для полного удовольствия денег было маловато?

— Какие-то деньги были — мы читали лекции, зарабатывали, у нас не было ощущения полного безденежья, правда, о покупках мы не думали. После первой поездки нас не пускали за границу в течение десяти лет.

— О последней поездке Беллы в Америку мне кто-то говорил, будто Майя Плисецкая подарила ей свои одежды для светских раутов... Это сплетня, наверное?

— Скажем так — некоторое преувеличение. Наверное, она подарила какую-то вещь. Майя очень любит Беллу и восхищается ею. И взаимно. И Белла много раз бывала на выступлениях Майи. Мы дружим. Но поскольку мы все очень заняты, у всех жесткое расписание, нам не удается долго общаться. Сейчас Майя редко бывает в Москве — она живет в Мюнхене. Произведения Щедрина часто исполняют на Западе. Он должен зарабатывать деньги, ведь ни он, ни Майя здесь никаких денег не получают.

— Щедрин когда-то в интервью сказал мне о своей рыболовной страсти: "Свою семью я всегда могу прокормить рыбой". Думаю, сейчас он бы так не пошутил.

— Видно, тогда хороший клев у него был.

— В Америке вы жили в семьях или в гостиницах?

— По-всякому. Нас обычно приглашает литературный агент — я тоже читаю там лекции по театру со слайдами, рассказываю о живописи, показываю картины и графику. Убежден: в Америку или во Францию надо ездить, но жить надо в России. Это мое убеждение.

Булат ОКУДЖАВА:

Все поразъехались давным-давно
Даже у Эрнста в окне темно
Только Юра Васильев и Боря Мессерер
Вот кто остался еще в СССР.

Любимая сцена

Слава Лён (Париж) вспоминает: "Мировую славу Мессереру принес прежде всего театр. Когда в 1963 г. на премьере балета С. Прокофьева "Подпоручик Киже", оформленного Мессерером, в Большом театре упал занавес, великий Тышлер сказал: "Родился новый художник". А вот слова вдовы Тышлера, искусствоведа Флоры Сыркиной: "В его декорациях живет магия сценичности: они конструктивны, пластичны, декоративны, в них заложен неожиданный взрывной заряд динамики. А главное, художник наделен редким даром, магией преображения вещей в театральном спектакле".

— В каком театре вы себя лучше чувствуете и как человек, и как художник — в Большом или во МХАТе им. Чехова?

— У меня хорошие отношения с Олегом Николаевичем Ефремовым. Мы с ним в свое время начинали ранний "Современник". Семь спектаклей я тогда сделал. Потом наши пути разошлись. Мы работали порознь. Просто тогда мы были более горячие в восприятии и оценке явлений искусства. Сейчас встретились и соединились снова.

— Как вы воспринимаете разделение МХАТа?

— Это ненормально. Все, что на Тверском бульваре, к МХАТу не имеет отношения. Там есть хорошие люди, но им, конечно, надо менять название театра. Затянувшаяся форма конфликта к жизни никакого отношения не имеет и только путает людей. Простые люди с билетом в один театр приходят в другой. Этот абсурд должен прекратиться. С режиссером Скориком мы поставили во МХАТе спектакль "Трагики и комедианты" Владимира Арро. С Ефремовым сделали "Горе от ума". С ним же выпускаем новую пьесу Гельмана и "Бориса Годунова".

— Любопытно, как вы смотрите на этот трагический сюжет, на котором неизменно ломаются зубы режиссеров?

— "Борис Годунов" труден для постановки. Видимо, Пушкин написал пьесу не для сцены, а для чтения. Театрально очень трудно выразить замысел поэта. Очень много сцен, резкие перепады картин. Такой переход на театре страшно трудно осуществлять, не прерывая кантиленность пушкинского стиха, не мешая ему звучать и течь непрерывно. Ушли немалые силы, чтоб найти нужную, пусть и условную, форму сценического решения. 27 октября премьера "Бориса".

— Мне рассказывал один симпатичный человек: когда вас принимали в Грузии, то после выступления Беллы растроганные женщины снимали с себя ожерелья, браслеты и надевали на Беллу. Ноша была слишком тяжела, и она сложила все в сумку, и моему рассказчику-поэту доверено было донести до гостиницы этот звонкий груз. Он не приукрасил?

— Было, похоже. Но Белла все передаривает. Украшений почти не носит.

На прекрасной выставке Бориса Мессерера в Академии художеств телевизионщики пришли снимать сразу два сюжета. У холодного камина Ахмадулина отвечала на вопросы интервьюера о своем отношении к Бунину. Гример Артур слегка подкрасил глаза нетерпеливой поэтессе, она покорно села в кресло в полупрофиль к камере, и началась ее блестящая импровизация. На тонких, летающих пальцах Беллы цветами подрагивали три огромных перстня из белого металла, может быть, серебряные или попроще, но художественная ценность их несомненна — таких больше ни у кого нет. Белла, как и прежде, восторженно читала свои стихи, забыв и о камере, и о режиссере, словно наедине с великим классиком. Борис Асафович один раз заглянул в телевизор и отошел довольный, Белла удивительно киногенична.

Второй сюжет снимали в зале, где балерины Мессерера остановились не в прекрасном мгновенье, а в минуту отдыха. Хотя на них сияют серебряно-лунные пачки, они не летающие лебеди, а труженицы. О полотне "Интерьер с балериной", где балетная прима упала в кресло, как Ангел поверженный Врубеля — в землю, Белла говорит: "Эта вещь мной обожаемая — она висит у нас в мастерской. Балет нас всех волнует". Пока камера не работает, Белла слегка пританцовывает, а смущенный Борис ждет не дождется, когда же кончится эта мука. Суета — не для художника.

Плач по сгоревшему портрету

— Борис Асафович, вы любите дарить свои картины?

— Не люблю, но дарю, конечно.

— Картины действительно дорого стоят.

— Мы так не рассуждаем. Есть какие-то другие причины. Но приходится и дарить.

— Как вы себя чувствуете в нашем неустойчивом, качающемся мире?

— Я легко общаюсь с людьми и просто живу вместе со своим народом, считаю естественным проходить с ним все этапы жизненного пути. Я не придаю значения трудностям — весь мой настрой направлен на искусство. Те события, которые сейчас происходят в России, в конечном итоге в грядущем обеспечат более правильную организацию жизни, чем та, которая была при коммунистическом режиме, изнурившем людей своими чудовищными алогизмами, страшной цензурой, идеологическим прессом — всей своей дурью.

— Когда ваша тетушка Суламифь осталась в Японии, наверное, и вас не обошел гнев властей.

— Конечно, доставалось. Но тут нет решения — это как побег из концлагеря: убежавший свободен, а у оставшихся ужесточаются условия заключения. Но они же не вправе сказать беглецу: "Не беги". Суламифь никогда с нами не советовалась, и это было совершенно неожиданно для всех членов семьи.

— А где она сейчас?

— Она работает балетным педагогом в английском Королевском балете. Ей близко к 90, но она по-прежнему разъезжает по миру — дает класс, в основном это класс моего отца, но Суламифь вносит и свои элементы. Когда мы были в Лондоне, мы виделись и были рады встрече. Но у нас ведь не было совсем близких отношений. К своей тетке я отношусь с нежностью.

— Ваш дом на Поварской притягателен. Сейчас, наверное, меньше гостей — "иных уж нет, а те далече"?

— Нет, приходит много. Необязательно принимать со столом. Дело не в этом, а в общении. Даже если люди толпятся в доме, я работаю. В отличие от Беллы — она совершенно не может писать прилюдно. Только в одиночестве.

— Мне нравятся ваши портреты Беллы. Какой ваш любимый?

— Их не так много — она очень плохо позирует. И мне трудно из них выбрать. Один ее портрет погиб в Тбилиси — сгорел вместе с Домом художника. Я попытался восстановить погибший портрет, но не успел до выставки. Мне пока не удалось добиться сходства с погибшим.

— У Майи Плисецкой я видел прелестные портреты балерины, но не спросила, кто их автор?

— Не меньше шести портретов сделал художник Фонвизин. Один просто выдающийся, где Майя с рыжими волосами.

— Для Плисецкой ставили балеты Роллан Пети и Морис Бежар. Вам не приходилось с ними встречаться?

— В основном с Бежаром. Очень высоко ценю его творчество — он действительно крупнейший авангардный режиссер. У Бежара работает педагогом брат Майи — Азарий Плисецкий. Теперь он уже не танцует. Очень восприимчивый человек. Языки знает и талантлив, и всем нужен.

— Разглядываю фотографии — прекрасные мастера бывали у вас в мастерской. Кто приходил чаще не только в радости, но и в отчаянии.

— Больше всех бывал Володя Высоцкий и Веничка Ерофеев.

Венедикт ЕРОФЕЕВ:

"13-14-15.XI. В один из этих дней в гостях у Мессерера по его приглашению. За коньячком в его мастерской. Тет-а-тет. Белла отсутствует: она под Ленинградом, в доме творчества. Веселых и приятных мыслей полон. На следующий день обнаруживаю, что оставил у Бориса Мессерера свою синюю сумку с записными книжками, звоню — так и есть. Отличный малый Мессерер: подъезжает на машине, вручает сумку и плоский, позарез нужный флакон коньяку. Мало того: обнаруживаю в каждом кармане по полсотне". (Из записной книжки 1986 г.).

— У меня хорошие отношения с более молодыми — Евгением Поповым, Виктором Ерофеевым, Виктором Славкиным.

— Друзья — писатели, отец ваш написал две книги. Майя выпустила свою, и очень талантливую. Не пишете ли вы какие-нибудь воспоминания?

— Нет, у меня не получается — мне не дано отстранение. И к тому же некогда. Утром работаю. Вечер принадлежит друзьям. Это часть нашей жизни. Выйти из этого круга мы не можем.

Наталья ДАРДЫКИНА.

Фото Сергея ТЕТЕРИНА.